

О.И. СОКОЛОВА

**ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ
«НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ» В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ
КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА**

Статья посвящена определению специфики исследования понятия неопределённости в философии и науке классического периода. Указываются особенности исследования понятия неопределённости в системе «классика-неклассика». Наиболее удобной для осмысления представляется схема анализа неопределённости в аспекте его сопоставления с объектом и субъектом познания, а также в контексте субъект-объектного взаимодействия. Отмечается, что в истории философии существует понятие, которое наиболее близко понятию «неопределённость». В качестве такового выступает понятие «сомнение», присутствующее в учениях от Античности до немецкой классики.

Ключевые слова: неопределённость, философия, наука, классика, неклассика, субъект-объектное взаимодействие, сомнение, античный скептицизм, средневековая философия, субъективный идеализм, антиномия

Соколова Олеся Игоревна - очный аспирант кафедры истории, методологии и философии науки, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. E-mail: lesyabelikova@mail.ru

O.I. SOKOLOVA

**THE ISSUES OF RESEARCH OF THE UNCERTAINTY CONCEPT
IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY AND SCIENCE
OF THE CLASSICAL PERIOD**

The article is dedicated to the definition of the specificity of the «uncertainty» concept research in philosophy and science of the classical period. The issues of the research of the concept of uncertainty are pointed out in the “classics-nonclassics” system. The most suitable research scheme is the scheme of the analysis of uncertainty in the aspect of its comparison with the object and the subject of knowledge and in the context of the subject-object interaction. There is a similar concept in the history of philosophy that is very close to the concept of uncertainty. It is the concept of “doubt”, that can be found in the doctrines from the Antiquity to the German classical philosophy.

Keywords: uncertainty, philosophy, science, classical philosophy, nonclassical philosophy, subject-object interaction, doubt, antique skepticism, medieval philosophy, subjective idealism, antinomy

Sokolova Olesya Igorevna - postgraduate student at the Department of History, Methodology and Philosophy of Science, Lobachevsky Nizhni Novgorod State University. E-mail: lesyabelikova@mail.ru

Целью данной работы является исследование основных предпосылок возникновения понятия неопределённости в истории философии и науки, которые, с точки зрения современной философии, принято считать классическими. Вместе с тем обращение к анализу историко-философского материала, начиная с Античности и заканчивая немецкой классической философией, в аспекте поиска понятий, наиболее близко стоящих по смыслу к понятию неопределённости, указывает на необходимость рефлексии относительно самого способа изложения материала и принципов организации подобного рода исследования. Поэтому в статье мы не будем детально останавливаться на конкретных нюансах использования данного понятия с точки

зрения хронологии, а, в первую очередь, определим стратегию исследования понятия «неопределённость».

Обращение к истории становления того или иного понятия неизбежно ставит вопрос о целесообразности подобного рода исследований. Известно, что философия отличается от научного знания наличием в ней так называемых «вечных», неразрешимых вопросов, а «глубокое понимание современных философских проблем предполагает обращение к истории философии» [5, с. 6]. С другой стороны, использование понятий «классическое» – «неклассическое» указывает на необходимость более детального исследования данного вопроса.

В отечественной философской литературе вопрос о необходимости целост-

ного анализа философии, как с точки зрения её истории, так и современного состояния, стал наиболее обсуждаемым после выхода статьи М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьёва, В.С. Швырева «Классика и современность – две эпохи в развитии буржуазной философии» (Москва, 1972). Сопоставление классического и неклассического находится в центре внимания и современных исследователей, например, авторов сборника «На пути к неклассической эпистемологии» (Москва, Российская академия наук, Институт философии, 2009).

Одним из центральных положений коллективной статьи М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьёва, В.С. Швырева является утверждение наличия сложной связи между классической и современной философией, которое может быть охарактеризовано как «взаимораскрытие» или «взаимопрояснение» [6]. Другими словами невозможно раскрыть сущность неклассической философии без обращения к исследованию специфики философии классического периода. Таким образом, исследование понятия неопределённости в контексте неклассической философии необходимо начинать, обращаясь к поиску смыслов, которые закладывались в данное понятие философами-классиками.

Основываясь на этом допущении, изучение понятия «неопределённость» в системе «классика – неклассика» приобретает следующие особенности.

Утверждая в качестве предмета исследования и критики классическую философию, неклассика демонстративно декларирует отказ от неё. Определённость классических систем отбрасывается, поскольку вскрываются их внутренние противоречия. «Ныне существующие философские направления, - отмечают авторы статьи, - при ближайшем рассмотрении оказываются не чем иным, как последовательным и откровенным развёртыванием внутренних неувязок, содержательных противоречий классического мышления, которых оно могло избежать лишь путём значительных огрублений и упрощений, путём весьма жёстких абсолютизаций и умолчаний» [6]. Истинность классических философских систем ставится под сомнение, однако, новые системы не создаются.

Следует признать, что отношения между классической и неклассической философией принципиально иные, нежели между классической и неклассической наукой. «В философии, как она развивалась на Западе, не произошло соответствующего сдвига в способе рациональ-

ного понимания новых проблем, не появилось новой системы мыслительных навыков, аналогичной той, которая была разработана, скажем, при создании теории относительности или квантовой механики» [6]. Создание новой естественно-научной картины мира и, как следствие, категориального аппарата отличает неклассическую науку от неклассической философии, использующей традиционные понятия для осмысления вновь возникших научных, социальных и других проблем. Поэтому применять понятие неклассики по отношению к философии и науке следует, учитывая данное обстоятельство.

Вместе с тем, необходимо признать изменение трактовки субъект-объектных отношений неклассической философией. В классической философии существовала полная прозрачность субъект-объектных отношений для индивида. Конструирование «чистого» сознания, где рефлексия выступала как путь постижения структур объективного бытия, – это так называемое «декартово-кантовское» [6] отображение действительности. Для него характерна полная десубъективация внутреннего опыта и, как следствие, его общезначимость, воспроизводимость, разумная контролируемость, именно в связи с чем знание и считалось объективным. Н.С. Автономова замечает, что при этом «никакая, даже самая яркая “неклассика” или “постклассика” не отменяют того, быть может, самого важного, на чём держалась ещё классическая философия, – рационально-рефлексивную установку, которая не может быть упразднена, если философия хочет быть философией» [1, с. 38]. Неклассическая философия зачастую демонстрирует в ней наличие «экзистенциально-ценностных установок» [1, с. 38], но они выступают в качестве стимула познания, его провокатора, но не определяют его методологию.

Таким образом, раскрытие смысла понятия «неопределённость» в контексте «классика – неклассика» является достаточно сложной задачей. Её решение требует специального анализа феноменов неклассической философии, эпистемологии, рациональности. Сегодня разработкой подобных вопросов занимаются В.А. Лекторский, Н.С. Автономова, Б.И. Пружинин и др.

С нашей точки зрения, обращаясь к исследованию эволюции понятия неопределённости, необходимо его рассматривать в историческом аспекте становления субъект-объектных отношений. Однако зачастую, стараясь подвести под то

или иное понятие историческую основу, исследователи пытаются искусственным образом приписать более древней философии наличие в ней «нужного», но, в действительности, более позднего, понятия. Н.В. Мотрошилова справедливо замечает, что «самыми адекватными историко-философскими работами были бы, по моему мнению, такие, которые объясняли бы проблемы и излагали соответствующие тексты, учения философии прошлого строго в их собственных терминах, а при интерпретации их объясняли бы, какова была историческая тенденция впоследствии, когда обсуждение сходной проблематики велось уже в тех или иных поздних терминах» [7, с. 222].

Мы признаём, что понятие «неопределённость» получает широкое распространение в XX веке в связи с открытиями в области физики. Конечно, ранее данное понятие, так или иначе, присутствовало в философских и научных рассуждениях мыслителей, но не разрабатывалось специальным образом. Специальное исследование понятия неопределённости характерно для современного этапа философии и науки. Поэтому мы можем говорить о наличии в истории философии смежных по значению понятий. Наиболее удобной для осмысления представляется схема анализа неопределённости в аспекте его сопоставления с объектом или субъектом познания, а также в контексте субъект-объектного взаимодействия.

В истории философии мы находим понятие, которое наиболее близко понятию «неопределённость». В качестве такового выступает понятие «сомнение», которое в той или иной мере присутствует в учениях от Античности до немецкой классики.

Античный скептицизм, имеющий в своём основании понятие сомнения, как оригинальное учение возникает на основе идей и учений, характерных для мышления представителей более раннего периода Античности. В некотором смысле Платона можно рассматривать как философа скептического направления. «Многие диалоги, - замечает Б. Рассел, - не содержат положительных заключений и имеют целью оставить читателя в состоянии сомнения» [10, с. 295]. Действительно, Платон в лице Сократа неоднократно подчёркивает, что не обладает знанием о предмете рассуждения или вообще ничего не знает. Нередко Сократ не приходит ни к каким выводам и не даёт однозначных определений. Если же говорить о скептицизме в строгом смысле этого слова, то античный скептицизм — «ори-

гинальное учение, если иметь в виду понимание задачи философии и её содержание» [2, с. 406]. Скептики пытались выдвинуть такие аргументы, которые могли бы подорвать привычное отношение к миру как познаваемому объекту и отказать субъекту в возможности получения истинного знания.

Понятие «сомнение», используемое в философии софистов и получившее распространение в школе скептиков, позволяет нам говорить о том, что в гносеологическом плане в Античной философии существовали предпосылки для формирования понятия «неопределённость». Следует заметить, что в строгом смысле слова школа скептиков не внесла значительного вклада в понимание понятия «сомнение», а сосредоточила своё внимание сугубо на отрицании положительных учений предшествующих мыслителей, не выдвинув при этом своей оригинальной гносеологической концепции.

Если же говорить о скептицизме как тенденции, то, с точки зрения теории познания, черты неопределённости можно усмотреть в аспекте формирования представления о субъективности познания: каждый индивид обладает личным опытом, собственным знанием о реальности; следовательно, объективное знание недостижимо. В гносеологическом плане скептицизм как стремление всё подвергать сомнению, рефлексии (а не наивному отрицанию) способствовал формированию критического отношения к процессу получения знания, которое отличает классическую науку.

Понятие «сомнение» получает дальнейшее развитие в философии Средневековья. Августин использует метод сомнения для критики представления о существовании привычного восприятия времени: «Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего» [3, с. 438-439]. Эти три вида времени соответствуют состояниям человеческой души: памяти, непосредственному созерцанию и ожиданию. В.В. Соколов называет такой подход «субъективизацией времени» [11, с. 60], поскольку время, с этой точки зрения, не имеет объективного существования, а зависит от его осмысления субъектом, исходя из настоящего.

В гносеологическом плане сомнение играет позитивную роль, позволяя подтвердить существование сомневающегося «Я». С другой стороны, христианская религия связывает понятия сомнения и греха: верующему человеку не сле-

дует подвергать сомнению то, что содержится в Священном Писании или учениях Отцов Церкви. В процедуру сомнения привносится эмоциональный аспект, не позволяющий религиозному философу продолжать познание посредством сомнения.

Интеллектуальная ситуация XIV-XV веков открывает возможность для развития направления скептицизма. По мнению П.П. Гайденко, именно скептицизм поздней схоластики способствовал осуществлению тех «интеллектуальных сдвигов» [4, с. 121], которые привели к становлению науки Нового времени.

Здесь особо следует подчеркнуть значение доктрины У. Оккама, выступающего против объединения веры и разума, другими словами, использования познавательных способностей разума для доказательства истинности христианских догматов. Можно говорить о существовании двух родов истин – истины Божественного откровения, которая принимается исключительно на веру и не нуждается в каких-либо доказательствах и подтверждениях, и истины, полученной посредством эмпирического наблюдения и рационального осмысления наблюдаемого. Но, поскольку чувства не могут привести к полному знанию о природе во всех её многообразных проявлениях, то такое познание не может гарантировать однозначной определённости полученного знания.

По мнению П.П. Гайденко, утверждение номиналистами человеческого ума как познавательной способности человека, а также концепция «двойственной истины», разделяющая предметы познания теологии и философии, способствовало, в конечном счёте, становлению нового типа мышления, которое утвердилось в Новое время: «В номинализме намечается та тенденция к самостоятельности гносеологии по отношению к онтологии, которая была чужда античному мышлению и развернулась полностью только в Новое время» [4, с. 126].

Сомнение как гносеологический принцип распространяется на сферу научного познания и связан, прежде всего, с формированием критического отношения к этическим, культурным, социальным влияниям, Церковным авторитетам. Образцовой наукой, моделью построения научного мышления Нового времени выступает физика, образцом подхода к действительности считается физика И. Ньютона.

И. Ньютон утверждает, что в «натуральной философии» допустимы только та-

кие принципы, которые вытекают из надёжных экспериментов, обобщают их результаты. Одним из требований выступает простота принципов теории: «Не должно принимать в природе иных причин сверх тех, которые истинны и достаточны для объяснения явлений... Природа ничего не делает напрасно, а было бы напрасным совершать многим то, что может быть сделано меньшим. Природа проста и не роскошествует излишними причинами вещей» [8, с. 502]. В соответствии с физической картиной мира, которую предлагают нам открытия И. Ньютона, возникают эмпирически направленные философские учения, согласно которым мир есть совокупность физических тел, взаимодействующих посредством установленных механистических законов. Знание физических законов позволяет человеку раскрыть тайны природы.

Вместе с тем направление античного скептицизма получает в период Возрождения благодаря учению М. Монтеня новый стимул. Возможность достижения какого-либо определённого знания ставится под сомнение, поскольку чувства не являются надёжным фундаментом, а разум подвержен ошибкам.

Принцип сомнения занимает центральную роль в теории познания Р. Декарта. Провозглашая принципиальное требование философствования как радикального сомнения в чём бы то ни было, Р. Декарт требует начинать процесс рассуждения с положений, истинность которых не вызывает сомнения. Такие истины не могут принадлежать сфере опыта, поскольку эмпирическое знание само по себе не достоверно, опосредовано сферой чувственного. Поэтому единственным источником знания, по мнению мыслителя, выступает интуиция. С точки зрения теории познания, одной из основных заслуг Р. Декарта является разделение объективной и субъективной сторон познания, что способствует дальнейшему становлению представлений о субъективной стороне познавательного процесса.

Исследование субъективистской проблематики в философии Нового времени, в том числе в аспекте развития направления субъективного идеализма, приводит нас к поиску концепций, которые позволили бы нам говорить об уместности использования понятия неопределённости. Субъективный идеализм как направление, акцентирующее внимание на сомнении в достоверности объективного мира, характерно для таких мыслителей, как Дж. Беркли и Д. Юм. Однако процедура сомнения приводит данных мыс-

лителей к утверждению, что окружающий мир не имеет реального существования и является исключительно проекцией мыслительной деятельности. Мир непознаваем, об этом можно утверждать с определённой ясностью. То же можно сказать и о «вещах-в-себе» И. Канта. «Вещь-в-себе» определённо непознаваема.

Относительно теории познания И. Канта о применимости понятия неопределённости уместно говорить тогда, когда анализируется познавательная способность разума мыслить «идеи» (о мире, Боге, свободе человека), не имеющие аналогов в сфере опыта. Именно тогда можно говорить о возникновении противоречий или антиномий, противоположных утверждений, истинность которых доказуема в равной степени. Возникает парадоксальная гносеологическая ситуация, в которой доказать истинность одного из представленных в антиномии тезисов и ложность второго не представляется возможным. С гносеологической точки зрения, это исключает из рационального познания процедуру выбора в пользу того или иного тезиса. Мы сталкиваемся с принципиальной неопределённостью познания.

Таким образом, анализ понятия «сомнение» в истории философии и науки намечает те смыслы, которые позволяют нам говорить о применимости понятия «неопределённость» для описания данного историко-философского периода. Согласимся с утверждением Б. Пружинина о том, что для анализа неклассических научных и философских проблем «нужна ещё и вполне классическая точка зрения, точнее, нужен взгляд именно через призму классики на современные стратегии исследования познания. Только тогда и раскрывается философский смысл неклассичности современных неклассических представлений о познании» [9, с. 13].

Вместе с тем достаточно распространённым, но спорным, является заявление, согласно которому неклассика не выработала «собственных средств для выявления позитивного философского смысла процессов, происходящих в современной науке. Ей доступны только их негативные

смыслы» [9, с. 20]. Это приводит нас к необходимости дальнейшего исследования понятия «неопределённость» с точки зрения смыслов, которые закладывают в это понятие неклассические философия и наука.

Список литературы

1. Автономова Н.С. «Статья трех авторов» в свете опыта пост-современности: сопоставительные заметки // На пути к неклассической эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 25-42.
2. Асмус В.Ф. Античная философия / В.Ф. Асмус. – М.: Высшая школа, 2005. – 544 с.
3. Блаженный Августин Аврелий. Исповедь. – М.: «ДАРЪ», 2007. – 576 с.
4. Гайденок П.П. У истоков новоевропейской науки // Человек в мире знания: К 80-летию Владислава Александровича Лекторского / Отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Б.И. Пружинин; науч. ред. Т.Г. Щедрина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 121-149.
5. Кессиди Ф.Х. Гераклит. – М.: Мысль, 1982. – 200 с.
6. Мамардашвили М.К., Соловьёв Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность – две эпохи в развитии буржуазной философии. – М., 1972. – URL: <http://www.psylib.org.ua/books/mamsosh/index.htm>. Мотрошилова Н.В. Синтез гносеологии и социокультурного исследования знания, познания, сознания как ракурс творчества В.А. Лекторского // Человек в мире знания: К 80-летию Владислава Александровича Лекторского / Отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Б.И. Пружинин; науч. ред. Т.Г. Щедрина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 193-224.
7. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон. – М.: Наука, 1989. – 687 с.
8. Пружинин Б. Неклассическая классика (о стиле эпистемологического мышления В.А. Лекторского) // Человек в мире знания: К 80-летию Владислава Александровича Лекторского / Отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Б.И. Пружинин; науч. ред. Т.Г. Щедрина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 7-30.
9. Рассел Б. История западного мышления и её связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней: В трёх книгах. Издание 7-е, стереотипное. – М.: Академический Проект, 2009. – 1008 с.
10. Соколов В.В. Средневековая философия. – М.: Высшая школа, 1979. – 448 с.